

18+ Амалия Александровна
Цейлонская
Тебя я искал

История Завоевателя и Царицы Дюн

Амалия Цейлонская

**Тебя я искал. История
Завоевателя и Царицы Дюн**

«Издательские решения»

Цейлонская А. А.

Тебя я искал. История Завоевателя и Царицы Дюн /
А. А. Цейлонская — «Издательские решения»,

Командующий Азарес несет в крови древнее проклятие. По приказу Короны он должен завоевать пустыню и выдать её Царицу — Сицилию — на сожжение. Но он ослушивается, защищая «ведьму». Вместе они идут через смертельные Солёные топи и Лунную тропу к Храму Первого Ветра. Там его ждет исцеление. Но цена — её жизнь и гибель её народа. Азарес должен выбрать: спасти себя или ту, что стала его компасом. Он готов сжечь свой мир дотла, лишь бы она жила. Ибо он всё разрушал... но её искал.

Содержание

Глава 1. Пленница ветра	6
Глава 2. Клетка из камня и золота	8
Глава 3. Линии на песке	10
Глава 4. Тепло чужого огня	12
Глава 5. Язык ветра	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тебя я искал История Завоевателя и Царицы Дюн

Амалия Александровна Цейлонская

© Амалия Александровна Цейлонская, 2026

ISBN 978-5-0070-6138-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Пленница ветра

Звук тяжелых сапог Азареса эхом отдавался в каменных коридорах цитадели, заглушая далекий гул празднующей победу армии. В воздухе всё ещё висел едкий запах гари и железа, но здесь, в верхних покоях, пахло только сыростью и старым камнем.

Азарес остановился перед массивной дубовой дверью. Его рука, привыкшая сжимать рукоять меча так сильно, что костяшки белели, на мгновение замерла. В полированной поверхности дверного молота отразилось его лицо: жесткие черты, прядь черных, как вороново крыло, волос, упавшая на лоб, и глаза. Золотые глаза. В них обычно горел холодный, неумолимый огонь завоевателя, но сейчас, в полумраке коридора, они казались тлеющими углями, уставшими от бесконечного пепла.

Он толкнул дверь. Скрип петель прозвучал как приговор.

Он ожидал увидеть дрожащую жертву, сжавшуюся в углу темницы. Или, возможно, разъяренную дикарку, готовую кинуться на него с криками проклятий. Он был готов к любому из этих вариантов. Он знал, как ломать и то, и другое.

Но Сицилия стояла у высокого узкого окна, залитая бледным лунным светом.

Казалось, само время споткнулось о неё. Платиновые волосы, длинные и прямые, спадали тяжелой волной до самого пояса, мерцая в полумраке, как лунная дорожка на воде. На ней было платье из тончайшей белой ткани, настолько легкой, что она казалась дымкой. Ветер, пробравшийся через щель в ставнях, играл подолом, открывая вид на её стройные ноги и бледную кожу, чуждую этому суровому краю.

На её запястьях и лодыжках тускло поблескивали массивные золотые браслеты. При каждом, даже самом микроскопическом движении, они издавали тихий, мелодичный звон. Этот звук был невыносимо чужим здесь, среди грубого камня и железа. Это был звук зыбких дюн, звук свободы, которую он у неё отнял.

Сицилия не обернулась сразу. Она смотрела в окно, на бескрайние, незнакомые ей леса его империи.

— Ты должна была быть в подземелье, — его голос прозвучал хрипло, нарушив тишину. Он звучал так, будто не использовал его последние несколько дней. — Там, где держат трофеи.

Медленно, с плавностью, от которой у него внутри всё напряглось, она повернула голову.

Её глаза были голубыми. Не блеклыми, не водянистыми, а глубокими и ясными, как небо над пустыней в полдень. В них не было ни слез, ни мольбы, ни ненависти. Там было лишь спокойное, изучающее любопытство.

— Подземелье — для тех, кто боится темноты, Азарес, — её голос был тихим, но в нём слышался шелест песка, несомого ветром. — А я не боюсь того, что уже видела.

Он сделал шаг вперед, и тяжелый меч у его бедра глухо ударился о ножны. Он хотел увидеть, как она вздрогнет. Как отступит. Но она осталась стоять на месте, лишь слегка склонив голову.

— Ты смеешь шутить? — Азарес подошел ближе, нависая над ней. Он был высок, широк в плечах, излучая угрозу, которая заставляла опытных воинов опускать взгляд. — Твой город сожжен. Твои алтари разрушены. Ты здесь только потому, что я решил, что твоя жизнь пока имеет ценность.

Она подняла на него взгляд, и он вдруг осознал, что смотрит не на пленницу. Она смотрела на него так, словно он был тем, кто попал в ловушку.

Её взгляд скользнул по его лицу, задержался на золотых глазах, а затем опустился к его рукам. К тем самым рукам, которые сжимали меч, пока он не стирал в порошок святыни её народа.

— Твой меч тяжел, — констатировала она, и в её тоне не было осуждения, лишь тихая, почти материнская печаль.

Он нахмурился, чувствуя, как внутри закипает раздражение, смешанное с чем-то непонятным и опасным.

— Он тяжел, потому что пролитая кровь имеет вес.

— Нет, — она сделала шаг ему навстречу. Всего один маленький шаг, но он сократил расстояние между ними до опасного минимума. Он почувствовал тонкий аромат полыни и сухого ветра, исходящий от её кожи. — Он тяжел, потому что ты несешь его один.

Она подняла руку. Золотые браслеты на её запястье звякнули. Он инстинктивно напрягся, готовый отразить удар, но она лишь протянула пальцы и, с пугающей смелостью, коснулась тыльной стороны его руки, сжимающей эфес меча. Её пальцы были прохладными.

Он замер. Никто не смел касаться его так. Никто не смел быть настолько близко, не пытаясь убить или умолять.

— Я вижу руины внутри тебя, — прошептала она, и её голубые глаза пронзили его насквозь, обнажая ту пустоту, которую он так тщательно прятал за броней и жестокостью. — Ты разрушал всё на своем пути, думая, что найдешь там покой. Но ты нашел только пепел.

Его дыхание сбилось. Он хотел отдернуть руку, приказать страже увести её, заковать в цепи эти звенящие золотом лодыжки. Но он не мог пошевелиться. Под её взглядом его внутренняя броня дала трещину.

— Ты ничего не знаешь обо мне, пустынная ведьма, — прорычал он, но в его голосе не было прежней уверенности.

Она слабо, почти неуловимо улыбнулась. Её пальцы слегка сжались на его руке, якорем удерживая его в этом мгновении.

— Я знаю, что ты ищешь, — её голос стал тише, обволакивающим, как сладкий дурман. — И я знаю, что ты не найдешь этого в крови или золоте.

Она подняла на него свои ясные глаза, и в этот момент он понял, что проиграл эту битву. Не как полководец, а как человек.

— Твои руки дрожат, Азарес, — мягко сказала она, и в её словах не было торжества, только обещание. — Но тебе не нужно притворяться здесь. Со мной не дрожи.

За окном завыл ветер, ударившись о каменные стены цитадели. Но впервые за много лет в этой холодной комнате ему не было холодно. И впервые он испугался не врага перед собой, а той тихой бури, что просыпалась в его собственной груди.

Глава 2. Клетка из камня и золота

Азарес не спал.

Он сидел в тяжелом деревянном кресле у камина, где догорали последние угли, и смотрел на неё. Рассвет только начинал окрашивать небо за окном в бледно-лиловые тона, но Сицилия уже не спала, если она вообще смыкала глаза. Она стояла у того же узкого окна, обхватив себя руками. Белая ткань платья казалась еще более невесомой в предрассветном холоде, а золотые браслеты на её лодыжках тускло отсвечивали, когда она переступала с ноги на ногу, чтобы согреться.

Он должен был приказать ей лечь на кровать. Он должен был напомнить ей, кто здесь хозяин, а кто — трофей, милостиво оставленный в покоях командующего вместо сырой темницы. Но слова застревали в горле. Вчерашнее прикосновение её прохладных пальцев к его руке всё ещё жгло кожу сквозь латы, которые он так и не снял на ночь.

— Ты замерзнешь, — наконец произнес он. Его голос прозвучал хрипло и слишком громко в тишине комнаты.

Сицилия медленно повернула голову. Её платиновые волосы спутались, но она не пыталась их поправить. Голубые глаза встретили его золотой взгляд без тени вчерашней дерзости, но и без страха. Только спокойная, почти скупающая оценка.

— Холод пустыни гораздо злее, Азарес, — произнесла она его имя так, будто пробовала его на вкус. Оно звучало в её устах не как титул завоевателя, а как простое, немного шершавое слово. — Этот каменный холод лишь напоминает мне, что я всё ещё жива.

Он резко встал. Кресло скрипнуло, и звон его доспехов заставил её слегка вздрогнуть — впервые за это утро. Азарес удовлетворенно отметил эту реакцию. Ему нужно было вернуть дистанцию. Вернуть иерархию.

— Не обольщайся, — бросил он, делая шаг к ней, но останавливаясь на безопасном расстоянии. — Ты жива лишь потому, что мертвая пустынная ведьма бесполезна. Твой народ знает тайные тропы через Солёные топи. Ты будешь говорить, и ты будешь подчиняться.

Сицилия не отступила. Она лишь слегка приподняла подбородок, и звон браслетов прозвучал как тихий вызов.

— Я буду говорить, когда сочту нужным. А подчиняться... — она едва заметно улыбнулась уголками губ, — я не подчинялась даже песчаным бурям.

Прежде чем Азарес успел ответить, тяжелый, требовательный стук в дубовую дверь разорвал натянутую тишину.

Азарес мгновенно изменился в лице. Маска усталого человека исчезла, уступив место непроницаемому лицу полководца.

— Войдите, — скомандовал он.

Дверь отворилась, и в покои вошел Верховный жрец Валериан. Его темные, расшитые серебром одеяния шуршали по каменному полу, а острый, хищный взгляд сразу же впился в Сицилию, словно она была не женщиной, а еретическим пятном, которое необходимо выжечь.

— Мой лорд, — жрец низко поклонился, но в его голосе слышались стальные нотки упрека. — Солнце взошло, а весть о пленнице не достигла подземелий. Совет требует немедленной передачи дочери дюн в руки Инквизиции. Её присутствие в ваших личных покоях... это неслыханное оскорбление богов и законной власти.

Азарес почувствовал, как напряглась спина. Он видел, как Сицилия выпрямилась, её пальцы сжались в кулаки, но она не издала ни звука. Она ждала. Проверяла его.

— Совет может требовать чего угодно, Валериан, — голос Азареса был ледяным, ровным и не допускающим возражений. Он сделал шаг вперед, заслоняя Сицилию своей широкой

фигурой, хотя сделал это так небрежно, будто это было случайностью. — Но армией командую я. И добычу делю я.

— Она ведьма, Азарес! — жрец повысил голос, забывая о титулах. — Её магия осквернила святыни. Её нужно допросить с пристрастием, пока она не навлекла проклятие на весь гарнизон!

— Её магия, — медленно произнес Азарес, и его золотые глаза сузились, вспыхнув опасным светом, — теперь принадлежит мне. Она знает расположение колодцев и скрытых путей в своих землях. Если я отдам её вам, она умрет под пытками, не успев ничего сказать. А мне нужна эта информация для зимнего похода.

Он говорил сухо, прагматично, выстраивая непробиваемую стену из военной логики. Ни слова о вчерашнем прикосновении, ни слова о странном покое, который она дарила. Только холодный расчет.

Валериан сжал губы в тонкую белую линию. Он понимал, что проиграл этот раунд, но его взгляд, брошенный поверх плеча Азареса на Сицилию, обещал, что это не конец.

— Как будет угодно командующему, — процедил жрец. — Но помните: глаза богов видят всё. И пепел всегда находит того, кто его разжег.

Жрец развернулся и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

В комнате снова повисла тишина, но теперь она была тяжелой, насыщенной невысказанными угрозами. Азарес медленно выдохнул и повернулся к Сицилии. Он ожидал увидеть облегчение, может быть, даже тень благодарности за то, что он её защитил.

Но Сицилия смотрела на него с легкой, почти печальной усмешкой.

— «Принадлежит мне», — тихо повторила она его слова, и в её голосе прозвучала горькая ирония. — Ты лжешь им так же легко, как, наверное, лгал своим богам, разрушая мои алтари.

Азарес нахмурился, и внутри него снова вскипело раздражение. Он подошел к ней, нависая, заставляя её запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза.

— Я спас тебе жизнь, пустынная ведьма. Не забывай, где ты находишься. Эти стены толстые, а мои солдаты не знают пощады к чужакам.

— Ты спас не меня, Азарес, — спокойно возразила она, не отводя взгляда от его золотых глаз. Её голос был тихим, но в нём звенела та же сталь, что и в его мече. — Ты спас свою добычу. Ты построил вокруг меня клетку из камня и лжи, и думаешь, что я назову это милостью.

Она сделала шаг в сторону, обходя его, и направилась к столу, где стоял кувшин с водой. Золотые браслеты на её ногах мелодично звякнули о каменный пол.

— Но пусть будет так, — продолжила она, наливая воду в чашу. — Я останусь в твоей клетке. Пока мне это выгодно.

Азарес смотрел на её спину, на то, как легко и грациозно она двигается в этом враждебном мире. Он хотел приказать ей замолчать, хотел заковать эти звенящие запястья в кандалы, чтобы она перестала смотреть на него так, будто читает его мысли. Но он знал, что если он это сделает, он признает свою слабость.

— Ты не покинешь эти покои без моего разрешения, — бросил он, направляясь к двери, чтобы выйти и привести себя в порядок перед советом. — И не пытайся использовать свои трюки на моих стражах.

Сицилия обернулась, держа чашу в руках. Утренний свет поймал её платиновые волосы, создавая вокруг неё едва заметный ореол.

— Я и не собираюсь никуда бежать, Азарес, — мягко сказала она. — Мне любопытно посмотреть, как долго ты сможешь притворяться, что держишь меня в плену, а не я тебя.

Дверь захлопнулась за ним, отрезая её спокойный взгляд. Но в коридоре, шагая к своим истинным обязанностям, Азарес с удивлением обнаружил, что его рука, сжимающая эфес меча, всё ещё слегка дрожит. И он ненавидел её за это.

Глава 3. Линии на песке

Кабинет Азареса пах старой кожей, чернилами и холодным воском. На массивном дубовом столе, заваленном донесениями разведчиков, лежала огромная карта империи. Но взгляд Азареса упирался не в завоеванные земли, а в белое, пустое пятно на юго-востоке.

Соленые топи. На карте они были обозначены лишь размытой голубой каймой и пометкой писца: «Проход невозможен. Смерть для коня и человека».

Азарес сжал переносицу пальцами. Золотые глаза, усталые от напряжения, смотрели на пергамент, как на личного врага. Через два месяца ударят первые морозы. Топи промерзнут ровно на три недели. Это было его единственное окно, чтобы нанести решающий удар по остаткам её народа и захватить древние артефакты, о которых шептались в его ставке. Без проводника его армия увязнет в зыбучих песках и ядовитых испарениях, став легкой добычей для пустынных рейдеров.

Дверь тихо скрипнула. Азарес не обернулся. Он знал этот звук. И он знал тот едва уловимый, мелодичный перезвон, что последовал за ним.

— Ты звал, Азарес?

Её голос прозвучал ровно, без тени подобострастия. Он медленно поднял голову.

Сицилия стояла в дверном проеме. Белое платье, казалось, впитывало скудный свет свечей, делая её фигуру почти призрачной. Платиновые волосы рассыпались по плечам, а золотые браслеты на её запястьях и лодыжках блеснули, когда она сделала шаг вперед. Её босые ноги ступали по холодному каменному полу с пугающей легкостью, словно камень не смел причинить ей боль.

— Подойди, — приказал он, указывая подбородком на стол.

Она подошла, но не вплотную, остановившись на расстоянии вытянутой руки. Её голубые глаза скользнули по карте, задержавшись на пустом пятне. В её взгляде не было ни страха, ни удивления. Только тихое, почти презрительное узнавание.

— Ты хочешь, чтобы я показала тебе, как перейти Великую Пустошь, — констатировала она. Это был не вопрос.

— Я хочу, чтобы ты показала мне, где находятся Шепчущие колодцы и Лунные тропы, — поправил Азарес, его голос был твердым, как сталь. — Зима близко. Топи промерзнут. Моя армия пройдет по ним, с или без твоей помощи. Но если ты поможешь мне, твои люди, скрывающиеся за болотами, получают шанс на пощаду. Если нет... я выжгу всё, что найду.

Он говорил спокойно, но в каждой фразе звенела скрытая угроза. Он ждал, что она сломается. Что она начнет умолять или, наоборот, кричать о проклятиях.

Но Сицилия лишь тихо рассмеялась. Этот звук был похож на шелест сухих листьев.

— Твоя карта лжет, Азарес, — она протянула руку, и её тонкий палец коснулся пергамента. Золотой браслет на её запястье глухо стукнул о дерево. — Вы, жители камня и железа, рисуете мир таким, каким хотите его видеть. Вы думаете, что Топи — это просто грязь и вода. Но это живой организм. Он меняет свои пути с каждым ветром. Твои солдаты увязнут не в песке, а в собственных иллюзиях.

— Тогда просвети меня, — он подался вперед, опираясь ладонями о край стола, нависая над ней. — Нарисуй мне эти пути. Прямо сейчас.

Сицилия медленно подняла на него взгляд. В её голубых глазах вспыхнул холодный огонек.

— Я не буду рисовать пути для того, кто ведет моих людей на бойню.

— У тебя нет выбора! — голос Азареса сорвался на рык. Он выпрямился, и его рука инстинктивно легла на эфес меча, висевшего у пояса. — Ты пленница. Твоя жизнь принадлежит мне.

— Моя жизнь принадлежит мне, — её голос стал тише, но от этого он пробирал до костей. — А мои знания принадлежат ветру. Ты можешь заковать меня в цепи, можешь пытаться, но если ты сломаешь мой разум, ты потеряешь единственного человека в этом мире, который знает, как не умереть в Солёных топиях.

В комнате повисла тяжелая тишина. Азарес смотрел на неё, и его золотые глаза сузились. Он понимал, что она права. Он не мог выбить из неё правду силой. Ему нужна была её ясность, её память.

Он медленно выдохнул, и его рука соскользнула с меча. Это было маленькое, почти незаметное движение, но Сицилия его заметила.

— Чего ты хочешь? — спросил он, и в его голосе впервые прозвучала не угроза, а усталая прагматичность торговца, ведущего сложную сделку.

Сицилия выпрямилась. Она обвела взглядом мрачный, заваленный оружием и свитками кабинет, а затем остановила взгляд на нем.

— Во-первых, — начала она, и её пальцы легли на край карты, — ты снимешь с меня ошейник невидимости. Ты будешь относиться ко мне не как к вещи в твоей комнате, а как к человеку, без которого твой великий зимний поход обречен.

— И во-вторых? — Азарес скрестил руки на груди, ожидая требования свободы или золота.

— Во-вторых, — она шагнула ближе, и он почувствовал тот самый аромат полыни и сухого ветра, — ты сядешь.

Азарес нахмурился.

— Что?

— Ты будешь стоять надо мной, как над добычей, пока мы говорим, — продолжила она, не повышая голоса. — Или ты сядешь на этот стул, напротив меня. Мы будем смотреть на эту карту вместе. Как равные. Если ты хочешь моих знаний, Азарес, ты должен научиться слушать, а не только приказывать.

Это было абсурдно. Он, командующий армией, должен был сесть и вести переговоры с пленницей в легком платье, которая даже не носила обуви. Его гордость вскипела, требуя поставить её на место, заковать в кандалы и заставить говорить под страхом смерти.

Но он вспомнил её слова из первой ночи: «Твой меч тяжел, потому что ты несешь его один».

Он медленно, не сводя с неё золотого взгляда, обошел стол. Скрипнула кожа его перевязи, когда он снял тяжелый меч с пояса и с глухим стуком положил его на край стола, подальше от них. Затем он сел в высокое кресло напротив неё.

— Я слушаю, — сказал он, и его голос прозвучал на удивление ровно.

Уголки губ Сицилии дрогнули в едва заметной, победной улыбке. Она опустилась на край стула напротив. Её босые ноги скрылись под подолом белого платья, но звон золотых браслетов на её запястьях прозвучал как начало новой игры.

Она потянулась к пергаменту, взяла угольный карандаш и, не отрывая голубых глаз от его золотых, провела первую, уверенную линию через белое пятно на карте.

— Смотри внимательно, Азарес, — прошептала она. — Потому что я покажу тебе это только один раз.

Глава 4. Тепло чужого огня

В кабинете стояла такая тишина, что было слышно, как шуршит уголь по шершавой поверхности пергамента.

Свечи догорали, отбрасывая на стены длинные, пляшущие тени. Азарес сидел неподвижно, как изваяние, наблюдая за тем, как тонкие пальцы Сицилии выводят на карте изогнутые линии. Она рисовала не так, как его придворные картографы, привыкшие к прямым углам и жестким границам. Её линии были плавными, живыми, словно она не чертила маршрут, а переносила на бумагу дыхание самой пустыни.

— Здесь, — её голос прозвучал тихо, но в тишине комнаты он казался громким. Угольный стержень остановился на изгибе условной реки, впадающей в белое пятно Соленых топей. — Это первый Шепчущий колодец. На ваших картах он обозначен как высохшее русло. Но он не высох. Он просто ушел глубоко.

Азарес подался вперед, не осознавая этого. Его золотые глаза впились в точку, которую она указывала.

— Как ты можешь быть уверена? Разведчики докладывали о мертвой земле.

— Ваши разведчики слушали ушами, Азарес, — она подняла на него взгляд, и в голубой глубине её глаз мелькнула тень насмешки. — А колодцы отвечают только тем, кто знает, как спросить. Вода там есть, но она горькая, если не знать правильных слов.

Она провела пальцем дальше, рисуя извилистую тропу, огибающую опасные зоны.

— Это Лунная тропа. Она видна только три ночи в месяц, когда свет падает под определенным углом на соляные кристаллы. Если твоя армия ступит на неё днем или в новолуние, они провалятся в зыбучие пески, которые вы называете «мертвой землей».

Азарес молчал, переваривая информацию. Это было не просто знание географии. Это была магия, древняя и чуждая его миру железа и дисциплины. И он зависел от неё. Эта мысль жгла его гордость, но одновременно рождала странное, темное уважение.

Он протянул руку, чтобы указать на следующий участок карты, в то время как она одновременно двинула своей рукой, чтобы поправить сбившийся край пергамента.

Их пальцы соприкоснулись.

Это был мимолетный, почти случайный контакт. Но для Азареса время словно замедлилось. Его рука была широкой, покрытой грубыми мозолями и старыми шрамами от мечей, горячая и тяжелая. Её пальцы были прохладными, гладкими и хрупкими на вид, хотя он уже знал, что за этой хрупкостью скрывается сталь.

Звон золотого браслета о его кожаную перевязь прозвучал как удар колокола.

Азарес резко отдернул руку, словно обжегся. Он выпрямился, его челюсть сжалась, а золотые глаза метнулись к её лицу, ожидая увидеть испуг или торжество.

Но Сицилия не дрогнула. Она лишь медленно опустила руку, и её взгляд задержался на его пальцах на долю секунды дольше, чем следовало. В её глазах не было ни насмешки, ни страха. Только тихое, выжидательное спокойствие.

— Продолжай, — хрипло сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно.

Она кивнула и снова склонилась над картой. Но атмосфера в комнате изменилась. Воздух стал гуще, насыщеннее. Азарес вдруг осознал, насколько близко они сидят. Он мог видеть отдельные пряди её платиновых волос, выбившиеся из общей массы и коснувшиеся её ключицы.

И тут он заметил другое.

Огонь в камине почти погас, превратившись в тлеющие угольки. Сквозь щели в старых ставнях пробирался ледяной предрассветный сквозняк. Сицилия была босиком, в одном лишь

тонком белом платье, которое совершенно не предназначалось для северного климата его цитадели.

Он увидел, как её плечи едва заметно вздрогнули. Она не пожаловалась, не обхватила себя руками, не издала ни звука. Она просто продолжала рисовать линии на карте, но Азарес заметил, как побелели костяшки её пальцев, сжимающих уголь.

Его первым инстинктом было крикнуть страже за дверь, чтобы принесли дров или позвали служанку с теплой одеждой. Но он тут же одернул себя. Если он позовет стражу, в комнату войдут грубые солдаты. Они увидят её в этом платье, они бросят на неё свои грязные, полные ненависти взгляды, о которых он знал слишком хорошо. Мысль о том, что кто-то другой будет смотреть на неё так, вызвала у него внезапный, иррациональный приступ ярости.

Азарес молча встал.

Сицилия подняла голову, следя за его движениями с легким недоумением. Он обошел стол, направился к дальнему углу кабинета, где на резном деревянном крюке висел его дорожный плащ. Тяжелый, из грубой шерсти, подбитый волчьим мехом. Он пах дымом, кожей и холодным железом.

Он снял его и вернулся к столу.

Не говоря ни слова, он накинул плащ ей на плечи.

Ткань была тяжелой и теплой, мгновенно окутав её с головой. Она утонула в ней, и широкие полы плаща скрыли тонкое белое платье и её босые ноги. Азарес задержал руку на её плече на мгновение дольше, чем требовалось, чувствуя под толстой тканью хрупкость её кости.

Сицилия замерла. Она медленно подняла руки и запахла полы плаща вокруг себя. Её лицо скрылось в глубоком капюшоне, но когда она подняла на него глаза, в них читалось искреннее, тихое удивление.

— Тебе холодно, — констатировал он, резко отступая на шаг назад, словно защищаясь от собственной мягкости. Его голос снова стал жестким, прагматичным. — Я не могу позволить своему проводнику замерзнуть насмерть за неделю до похода. Это было бы... нерационально.

Сицилия медленно кивнула. Она провела пальцами по грубой ткани плаща, а затем вдохнула его запах. Её губы тронула едва заметная, теплая улыбка, которая полностью преобразила её лицо, сделав его менее призрачным и более живым.

— Спасибо, Азарес, — тихо сказала она. И в этом простом «спасибо» не было иронии, которую она так часто использовала как щит.

Она снова посмотрела на карту, но теперь, укутанная в его плащ, она казалась не чужаком в его логове, а чем-то гораздо более опасным. Чем-то, что начало этому логову принадлежать.

— Смотри сюда, — сказала она, и её голос стал тверже, увереннее. —

Следующий поворот тропы самый опасный. И если мы пойдем этим путем, тебе придется довериться мне полностью. Без оговорок.

Азарес посмотрел на её голубые глаза, выглядывающие из-под темного капюшона его плаща, и медленно кивнул.

— Рисуй.

Глава 5. Язык ветра

Утро выдалось на редкость ясным, но пронизывающе холодным. Иней серебрил каменные зубцы цитадели, а дыхание превращалось в густой белый пар, стоило лишь открыть рот.

Азарес уже стоял во внутреннем дворе, облаченный в свою привычную черную броню, когда конюхи подвели двух массивных вороных жеребцов. Решение было принято окончательно: карты, уголь и доверительные разговоры при свечах — это хорошо, но ему нужна проверка. Он должен увидеть своими глазами, является ли она действительно «дочерью древних стен», чьи знания могут спасти его армию, или же это просто хитрая девушка, выучившая старые легенды, чтобы выиграть время.

Тяжелая дубовая дверь на крыльцо отворилась. Азарес обернулся и на мгновение задержал дыхание, хотя тут же заставил свое лицо остаться непроницаемой маской.

Сицилия вышла на холодный воздух. Она всё ещё была в том тонком белом платье, которое казалось вопиюще неуместным среди серого камня и грубой стали. Но поверх него она небрежно, с той самой небрежностью, что раздражала и восхищала его одновременно, набросила его тяжелый дорожный плащ, подбитый волчьим мехом. Капюшон был откинут, и её платиновые волосы, собранные в низкий, свободный хвост, развевались на утреннем ветру, словно живое серебро.

Но больше всего его взгляд зацепился за её ноги. На них, грубо, но крепко, сидели высокие кожаные сапоги из его собственного гардероба. Они были ей велики, голенища слегка болтались, но она ступала по обледелым плитам двора с той же врожденной, пугающей грацией, с какой раньше ходила босиком. С каждым её шагом из-под края плаща доносился тихий, мелодичный перезвон золотых браслетов на лодыжках. Этот звук был вызовом всему мрачному укладу его крепости.

— Мы едем, — сказал он, подходя к ней. Его голос прозвучал ровно, не допуская возражений. — К северным заставам. Там начинается предгорье, где ветер меняет направление. Мои разведчики докладывают о странных движениях в тумане. Я хочу увидеть, как «царица дюн» читает то, что не могут разглядеть мои лучшие следопыты.

Сицилия подняла на него свои голубые глаза. В них не было ни страха перед верховой ездой, ни удивления от его внезапного решения. Только спокойное, изучающее принятие.

— Ветер не лжет, Азарес, — тихо ответила она, и её голос, мягкий, как шелест песка, странно гармонировал с утренней тишиной. — В отличие от твоих разведчиков, которые смотрят только под ноги.

Она подошла к ближайшему жеребцу. Лошадь фыркнула, почувствовав чужой, непривычный запах полыни и сухого ветра, но Сицилия лишь протянула руку и погладила животное по широкой шее. Жеребь тут же успокоился.

Азарес шагнул вперед.

— Тебе понадобится помощь, чтобы взобраться. Эти седла высоки.

Он не стал ждать её согласия. Обхватив её за талию одной рукой, он легко, словно она ничего не весила, приподнял её и усадил в седло. На это мгновение, пока он поддерживал её, она оказалась прижатой к его закованной в сталь груди. Он почувствовал, как она на долю секунды напряглась, но не отстранилась. Звон золотых браслетов на её запястьях эхом отозвался о его кожаную перевязь. Запах её кожи, теплый и живой, на миг перебил запах конского пота и холодного железа.

Азарес резко отступил, словно обжегшись, и ловко вскочил в свое седло.

— Вперед, — бросил он, не глядя на неё, и тронул коня.

Они выехали за массивные ворота цитадели. Пейзаж стремительно сменился: каменные улицы уступили место холмистой, поросшей редким, побитым морозом вереском равнине.

Азарес ехал рядом с ней, наблюдая боковым зрением. Она держалась в седле на удивление уверенно, компенсируя великоватые сапоги идеальной осанкой. Её спина была прямой, а взгляд устремлен вдаль, туда, где низкие, свинцовые облака цеплялись за горизонт, скрывая северную долину.

Через час неспешной, но напряженной езды они достигли каменистого выступа. Отсюда открывался широкий вид на лощину, густо окутанную плотной, молочно-белой утренней дымкой. Здесь, у подножия скалы, располагался небольшой лагерь его передового дозора. Десятка два солдат в серых плащах грелись у костров, их лица выражали скуку и уверенность в том, что долина пуста.

Азарес спешил и помог Сицилии спуститься. На этот раз её рука задержалась в его ладони чуть дольше, чем требовалось, прежде чем её босые (в его сапогах) ноги коснулись холодной земли.

Он повел её к краю обрыва.

— Ну? — бросил он, скрестив руки на груди. Холодный ветер трепал его черные волосы. — Твои разведчики говорят, что долина чиста. Что говорит твой ветер, пустынная ведьма?

Сицилия подошла к самому краю. Она медленно сняла кожаную перчатку, которую он ей предоставил, и её тонкие, бледные пальцы поднялись в воздух. Золотые браслеты на её руках тихо, мелодично звякнули. Она закрыла глаза.

Азарес наблюдал за ней, и внутри него боролись два чувства: циничное ожидание провала и странное, зарождающееся благоговение. Она замерла, словно прислушиваясь к музыке, абсолютно неслышной для его грубых, привыкших к звону клинков ушей. Её лицо, обычно такое спокойное, сейчас выражало глубокую сосредоточенность.

— Твои люди слепы, — наконец произнесла она, не открывая глаз. Её голос стал тише, но в нем появилась та самая сталь, которую он уже начал узнавать. —

Они смотрят на землю, но не чувствуют неба. Ветер с востока несет не только влагу тумана. Под ним скрыт запах жженой смолы, сухой глины и... железа, которое давно не чистили.

Азарес нахмурился, вглядываясь в непроницаемую белую пелену внизу.

— Там ничего нет. Только туман и мои солдаты.

— Туман обманчив, Азарес, — она открыла глаза и посмотрела на него. В голубой глубине её взгляда не было ни сомнения, ни желания угодить ему. Только непоколебимая уверенность. — Через десять минут ветер изменится. Он ударит с юга, резким порывом. Он разорвет эту дымку, и ты увидишь то, что она скрывает. Не отряд мирных кочевников. Засаду. Они ждут, когда твой патруль спустится в лощину.

Азарес хотел возразить. Хотел назвать это суеверием, пустой игрой в пророчицу, чтобы оправдать свою собственную паранойю. Но что-то в абсолютной искренности её тона заставило его промолчать. Он резко повернулся к командиру дозора, стоявшему неподалеку.

— Капитан! — гаркнул он, и его голос, усиленный эхом скал, заставил солдат внизу вздрогнуть и броситься к оружию. — Тревога! Лучникам занять позиции на гребне! Пехоте построить щитовую стену у входа в лощину! Немедленно!

Капитан, удивленный, но привыкший беспрекословно подчиняться, отдал приказы. Лагерь мгновенно ожил, превратившись из сонного привала в боевой порядок.

Азарес вернулся к Сицилии. Она стояла неподвижно, её белое платье и темный, тяжелый плащ развевались на ветру, создавая визуальный контраст, от которого у него внутри всё сжималось. Она смотрела на суету его солдат не с ужасом, а с тихой, печальной отрешенностью, словно уже видела эту сцену тысячу раз.

Прошло семь минут. Ничего не происходило. Только ветер завывал в расщелинах скал. Скептицизм начал медленно подниматься в груди Азареса.

Он уже открыл рот, чтобы произнести язвительный, но сдержанный комментарий о пустынных сказках, как вдруг листва на редких, корявых деревьях внизу зашелестела.

Ветер действительно резко сменил направление. Он ударил с юга, резкий и холодный, мгновенно разрывая пелену тумана, словно невидимый меч.

И там, в лощине, которую еще секунду назад скрывала дымка, блеснули наконечники копий и темные силуэты всадников в чужеродных, чешуйчатых доспехах. Они действительно готовили засаду, и теперь, застигнутые врасплох поднятой тревогой, они в панике пытались перестроиться.

— Огонь! — скомандовал Азарес, выхватывая меч.

Стрелы его лучников дождем обрушились на лощину. Засада была сорвана. Враг, лишенный фактора внезапности и оказавшийся под огнем с высоты, начал беспорядочное отступление, оставив на поле боя несколько тел. Схватка была короткой и жестокой, но потери среди людей Азареса были минимальны.

Когда шум боя стих, сменившись стоном раненых и командами по сбору трофеев, Азарес медленно вложил меч в ножны. Он повернулся к Сицилии.

Она по-прежнему стояла на краю обрыва. Её лицо было бледным, но спокойным.

— Ты спасла жизни десятка моих людей, — сказал он. Его золотые глаза изучали её с новым, неизведанным, почти пугающим уважением. В этот момент она была не пленницей. Она была силой, с которой приходилось считаться.

— Я не спасала твоих людей, Азарес, — мягко ответила она, поворачиваясь к нему. Ветер разметал её платиновые волосы, и золотые браслеты на её запястьях тихо звякнули. — Я просто прочитала то, что уже было написано в воздухе. Ты хотел знать правду о топах. Теперь ты знаешь: без меня твоя армия пойдет туда вслепую. И она там погибнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.